

УКРАИНА - ЦЕНТР

«ЧАЙКА» ПО-КИРОВОГРАДСКИ

10.05.2016

<http://uc.kr.ua/chajka-po-kirovogradski/>

«Я напишу пьесу, что-нибудь странное... Комедия, три женских роли, шесть мужских, четыре акта, пейзаж (вид на озеро); много разговоров о литературе, мало действия, пять пудов любви», - писал Антон Павлович Чехов своему другу Алексею Суворину в конце 1895 года. Речь шла о «Чайке» – пьесе, которая уже больше ста лет идет в театрах всего мира с неизменным успехом. Поставить «Чайку» для театра – большая честь, но еще большая ответственность.

21 мая в кировоградском театре имени Кропивницкого состоится премьера спектакля «П'ять пудів кохання» – наша, кировоградская, версия «Чайки».

- «Чайка» – это целый космос, - объясняет режиссер Евгений Курман. - Вы не скажете, о чем эта пьеса. Она о жизни, и, как сама жизнь, она многогранна и сложна. Существует культурологическая теория, что в мире есть две пьесы, которые можно интерпретировать бесконечно, - «Чайка» и «Гамлет». В самой «Чайке» очень много «гамлетовского»: Треплев – Гамлет, Сорин – друг Горацио, Заречная – Офелия, Тригорин – Клавдий.

Это очевидно. Но если Гамлет конфликтует с внешним миром, то у Трелева конфликт внутренний... Проводятся целые фестивали «Чайки». Съезжаются театры со всего мира и ставят только одну эту пьесу – каждый по-своему.

Мы ставим психологическую пьесу о счастье. Что такое счастье? Дает ли любовь ощущение счастья?

Для меня «Чайка» не вдруг. Я двенадцать лет про нее думал.

Нужен был театр, нужен был коллектив, нужна Заречная, нужны Аркадина, Тригорин, Треплев – это же не каждый артист сыграет...

В кировоградской «Чайке» все оригинальное – и музыка, и перевод киевского драматурга Екатерины Демчук. Мне как человеку больше читающему, чем посещающему театр, очень интересен был перевод. В чеховской пьесе меня когда-то больше всего впечатлила речь персонажей. Читаешь вдруг вырвавшиеся вульгарные выражения: «Вы всё спрашиваете про каких-то допотопных.

Откудава я знаю!» или «Оттого я и сохранилась, что никогда не была фефелой, не распускала себя, как некоторые... Вот вам, - как цыпочка» – и сразу ясно видишь Аркадину. В переводе Екатерины Демчук этого нет, но, по мнению Евгения Курмана, это и не нужно:

- Перевод, я считаю, прекрасный. Он читается на одном дыхании. Задача переводчика – не сделать кальку, а адаптировать, вписать в культуру. Украинский язык намного нежнее, чем русский, вульгаризмов в языке просто нет. Если мы переводим «Гамлет», то разве ставим перед собой задачу передать нюансы того английского языка, на котором он написан? Нет, Пастернак переводил по-своему, Щепкина-Куперник – по-своему.

- Но, наверное, существует немало переводов «Чайки», почему вы ими не воспользовались?

- Очень мало! Один дореволюционный и два советских.

Существовало закрытое постановление ЦК КПСС 1935 года о том, как подавать Чехова, какие пьесы ставить, какие письма печатать, а какие нет и т. п. Зачеркивались строчки в письмах – нагло, по-варварски, есть письмо, а в нем шестнадцать строк просто замазано так, что их не прочитать. Переводить Чехова можно было только по специальному разрешению. А в последнее время переводы, конечно, стали появляться. Но я их не читал. Я давно вынашивал «Чайку», знал, чего я хочу, я сразу думал про

аутентичный, уникальный, неповторимый перевод, про то, что важно для меня. С Екатериной Демчук я работаю давно и могу ей объяснить, какой перевод мне нужен. Я ведь ставлю сложную психологическую вещь без спецэффектов и аттракционов.

- Что, и чайка не кричит?

- Нет, ни чайка не кричит, ни собаки не лают. Если у зрителя нет воображения, если ему нужно, чтобы в момент, когда Сорин сказал: «Отвяжите собаку», фонограммой лаяла собака, то это не наш зритель. В спектакле звучит музыка моего хорошего друга, лауреата Шевченковской премии, главы Союза композиторов Украины Игоря Щербакова. Лет десять назад он написал камерную симфонию «Варун». Она очень экзистенциальная, сложная. Там есть одна тема, вальс, она долго меня не отпускала, и вдруг я понял: это же четвертый акт «Чайки»! В общем-то, только одна эта тема там и нужна. Всего должно хватить.

- Я видела одну «Чайку», еще в 80-е годы. И запомнила только то, что Треплев почему-то ходил в резиновых шлепанцах...

- А что вас смутило?

- Разве во времена Чехова были резиновые шлепанцы?

- От этого давно пора уйти! В театре не должно быть, как «во времена Чехова». В театре XX, а тем более XXI века режиссер – это интерпретатор. Резиновые шлепанцы могут сразу показать, что Треплев беден, что мама не дает ему денег, что он неприкаянный. Я видел «Чайку», где Треплева играл актер с синдромом Дауна, – так режиссер пытался найти ответ на вопрос, почему он такой. И это было убедительно! В театре все не должно быть точно, как в пьесе. А если вы хотите, чтобы все было, как в пьесе, то внимательней читайте пьесу. Где там написано, что действие происходит летом 1895 года? Нигде! Год там не указан. С таким же успехом действие может происходить и в 1965-м.

- Как, по-вашему, сам Чехов считает Треплева талантливым или нет?

- Наша «Чайка» о другом. О счастье, о любви. Чехов ведь не просто так писал «пять пудов любви», там же все влюблены в друг друга, все друг друга хотят. Но в целом, мне кажется, Чехов трезво относился к Константину Гавриловичу. Вопрос таланта

очень сложный. Нельзя сказать, что Треплев неталантлив. Но можно говорить о предрасположенности к творческой работе. Треплев не предрасположен. Его интересует не театр, не сцена, не творчество, а конфликт с мамой. Может быть, он талантлив, но он не способен творить. Любой художник обречен на труднейшую судьбу, его всегда будут критиковать, и он всегда должен держать удар, потому что всегда будут приходить люди и говорить: «Да что это такое? Да кому это нужно?» Он очень сложный персонаж. Ему двадцать пять лет. Это в любые времена уже взрослый мужчина. И устраивать подростковые истерики маме – это нездоровое поведение. Но в театре нужно уходить от оценок. Он такой, и его нужно показать таким. А каждый зритель должен для себя решить, хорошо это или плохо...

Евгений Васильевич пригласил нас на репетицию, и мы, конечно, с удовольствием приняли приглашение. Я все ждала, когда актеры заговорят, хотелось услышать, насколько гармонично будет звучать украинская речь в чеховской пьесе. Но так и не дождалась. За два часа до первой сцены так и не добрались – репетировали приезд на дачу: без музыки и под музыку, быстрее и медленнее, каждое движение пальца, каждый поворот головы, каждый взгляд. Смотреть на это было скучновато, но в конце концов получилось так, что с первых секунд, без костюмов и декораций, было абсолютно ясно, кто есть кто! Мы и раньше догадывались, что актеры двигаются по сцене не просто так, а в соответствии с четким планом. Но и представить себе не могли, что на сцену, которая в спектакле занимает от силы пару минут, уходят часы репетиций. Глядя, как прибывают и прибывают на дачу Тригорин с Аркадиной, я думала о том, что сегодня «Чайка» актуальна, как никогда. Во времена Чехова инфантильный мечущийся Треплев был все-таки белой вороной. Сегодня такие стареющие мальчишки, сами не уверенные в своем таланте, но жаждущие признания и восхищения, обиженные на всех, кто их якобы не понимает и не ценит, - явление более чем распространенное.

«Чайка» – это своеобразный экзамен и для режиссера, и для актеров. Экзамен, который они сами захотели сдать. На наш взгляд,

смотреть «П'ять пудів кохання» нужно обязательно. Хотя бы для того, чтобы иметь возможность, скривив губы, сказать: «Нет, ну это совсем не «Чайка»...» И режиссер, и актеры знают, что такие зрители будут обязательно. Ведь еще Тригорин объяснил: «Публика читает: «Да, мило, талантливо... Мило, но далеко до Толстого» или: «Прекрасная вещь, но „Отцы и дети» Тургенева лучше». И так до гробовой доски все будет только мило и талантливо, мило и талантливо – больше ничего, а как умру, знакомые, проходя мимо могилы, будут говорить: «Здесь лежит Тригорин. Хороший был писатель, но он писал хуже Тургенева»...».

Ольга Степанова, фото Елены Карпенко, «УЦ».